

ветская власть не боится ни врагов за рубежом, ни их агентуры в СССР.

Дела идут у нас неплохо. И в области промышленности, и в области сельского хозяйства успехи несомненные. Пусть мяукают там, в Европе, на все голоса все и всякие ископаемые средневекового периода о «крахе» СССР. Этим они не изменят ни на иоту ни наших планов, ни нашего дела. СССР будет первоклассной страной самого крупного, технически оборудованного промышленного и сельскохозяйственного производства. Социализм непобедим. Не будет больше «убогой» России. Кончено! Будет могучая и обильная передовая Россия.

15-го созываем пленум ЦК. Думаем сменить т. Рыкова. Неприятное дело, но ничего не поделаешь: не поспевает за движением, отстает чертовски (несмотря на желание поспеть), путается в ногах. Думаем заменить его т. Молотовым. Смелый, умный, вполне современный руководитель. Его настоящая фамилия не Молотов, а Скрябин. Он из Вятки. ЦК полностью за него.

Ну, кажется, хватит.

Жму руку.

И. СТАЛИН

Р. С. Если действительно решили приехать к весне, хорошо бы поспеть к 1 мая, к параду.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — И. В. СТАЛИНУ

<8 декабря 1930 г.>

Иосиф Виссарионович!

Я ведь тоже грамотный. Да и станешь грамотным, «как дело до петли доходит». Я хочу внести в дело ясность, чтобы не было после нареканий: зачем не сказал?

Пришел час моей катастрофы. Не на «правизне», не на «левизне», а на «кривизне». Как велика дуга этой кривой, т. е. в каком отдалении находится вторая, конечная ее и моя точка, я еще не знаю. Но вот что я знаю и что должны знать Вы.

Было — без Вас — опубликовано взволновавшее меня обращение ЦК. Я немедленно его поддержал фельетоном «Слезай с печки». Фельетон имел изумительный резонанс: напостовцы

приводили его в печати, как образец героической агитации, Молотов расхвалил его до крайности и распорядился, чтобы его немедленно включили в серию литературы «для ударников», под каковым подзаголовком он и вышел в отдельной брошюре, — даже Ярославский, никогда не делавший этого, прислал мне письмо, тронувшее меня <...>. Поэты — особенный народ: их хлебом не корми, а хвали. Я ждал похвалы человека, отношение к которому у меня всегда было окрашено биографической нежностью. Радостно я помчался к этому человеку по первому звонку. Уши растопырил, за которыми меня ласково почешут. Меня крепко дернули за эти уши: ни к черту «Слезай с печки» не годится!! Я стал бормотать, что вот у меня другая любопытная тема напечатана. Ни к черту эта тема не годится!

Я вернулся домой, дрожа. Меня облили ушатом холодной воды. Хуже: выбили из колеи. Я был парализован. Писать не мог. Еле-еле что-то пропищал к 7 ноября.

7 ноября мы с Вами встретились. Шуточно разговаривая с Вами, я надумал: дурак я! Зачем я бездарно излагаю ему в прозе план фельетона, когда могу написать этот фельетон даровито и убедить его самим качеством фельетона.

Я засел за работу. Работал каторжно. Тяжело было писать при сомнительном настроении, да еще в гриппу. Написал. Сдал в набор. Около 12 ч[асов] ночи в редакции произошла заминка: Ярославский считал, что вводная часть, будучи слишком исторической, ослабляет вторую, агитационную, не выбросить ли эту вводную часть? Я не сопротивлялся. Но Ярославский, увидя, должно быть, по моему огорченному лицу, что мне этим причиняется боль, сказал: но все же пусть идет, раз набрано и сверстано.

Ярославский уехал. Я остался со своими раздумьями. Я знал то, чего он, Ярославский, не знал: у меня будет придирчивый читатель в Вашем лице.

А вдруг не удастся мне покорить этого читателя?

Подумавши, я категорически заявил Мехлису и Савельеву: снимаю первую часть! Пошел переполох, так как позднее время, а тут переверстка.

Дали знать Ярославскому. Тот меня вызвал к телефону и настойчиво предложил «не капризничать», как ему казалось. Пусть идет весь фельетон. Уговорить меня было не трудно.

Вот и все!

Живой голос либо должен был мою работу похвалить, либо дружески и в достаточно убедительной форме указать на мою «кривизну». Вместо этого я получил выписку из Секретариата. Эта выписка бенгальским огнем осветила мою изолированность и мою обреченность. В «Правде» и заодно в «Известиях» я предан оглашению. Я неблагополучен. Меня не будут почитать после этого не только в этих двух газетах, насторожатся везде. Уже насторожились информированные Авербахи. Охотников хвалить меня не было. Охотников поплевать в мой след будет без отказа. Заглавия моих фельетонов «Слезай с печки» и «Без пощады» становятся символическими.

20 лет я был сверчком на большевистской печке. Я с нее сле-
заю. Пришло, значит, время. Было ведь время, когда меня и Ильич поправлял и позволял мне отвечать в «Правде» стихотворением «Как надо читать поэтов» (см. седьм[ой] т[ом] моих соч[инений], стр. 22, если поинтересуетесь). Теперь я засел тоже за ответ, но во время писания пришел к твердому убеждению, что его не напечатают или же, напечатав, начнут продолжать ту политику по отношению ко мне, которая только согнет еще больше мою кривую и приблизит мою роковую катастрофически конченную точку. Может быть, в самом деле, нельзя быть крупным русским поэтом, не оборвав свой путь катастрофически. Но каким же после этого голосом закричала бы моя армия, брошенная полководцем, мои 18 полков (томов), сто тысяч моих бойцов (строчек). Это было бы что-то невообразимое. Тут поневоле — взмолишься: «отче мой, аще возможно есть, да мимо идет мене чаша сия»!

Но этим письмом я договариваю и конец вышеприведенного вопроса: «оба не якоже аз хочу, но якоже ты»!

С себя я снимаю всякую ответственность за дальнейшее.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

И. В. СТАЛИН — Д. БЕДНОМУ

<12 декабря 1930 г.>

Т[овари]щу Демьяну Бедному.

Письмо Ваше от 8.XII получил. Вам нужен, по-видимому, мой ответ. Что же, извольте.